

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.19>

Везломцев Виктор Евгеньевич

Коррупция и антикоррупционные меры в контексте социально-политического и этического дискурса в Древнеримской Республике

Цель исследования - показать специфику коррупционных проявлений и антикоррупционных мер в Древнеримской Республике с учетом этического и социально-политического контекста. Современные исследования, связанные с римскими антикоррупционными мерами, либо традиционно фокусируются на определенных антикоррупционных законах, либо делают акцент на моральной составляющей данной проблемы. Даже те работы, которые можно было бы назвать "целостными" в этом вопросе, основаны на различии между фактическими мерами, которые римляне использовали для борьбы с коррупцией, и этическим дискурсом. С учетом этого, автор для определения и понимания сути антикоррупционных мер, осуществлявшихся в рассматриваемый период, контекстуализирует понимание коррупции и морального разложения в рамках социально-политической мысли Древнеримской Республики, что и определяет научную новизну данного исследования. В результате было выявлено, что конечной целью антикоррупционных мер в Древнем Риме периода поздней Республики было восстановление потенциально идеализированной формы правления, которая принимала и поддерживала республиканские ценности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 99-104. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

9. **Россия в цифрах. 2019:** краткий статистический сборник / Росстат. М., 2019. 549 с.
10. **Самохвалова В. И.** Творчество и энергии самоутверждения // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 34-46.
11. **Сидорина Т. Ю.** "Homo faber" как символ эпохи труда: к истории эволюции понятия // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 14-22.
12. **Соловьёв В. С.** Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В. С. Сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. текста и прим. Н. В. Котрелева, Е. Б. Рашковского. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 5-172.
13. **Титаренко С. А.** Специфика религиозной философии Н. А. Бердяева: монография / науч. ред. Г. В. Драч. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2006. 288 с.

Issue of Man's Creativity Nature: Socio-Philosophical Analysis

Bashirov Timur Anvarbakovich, PhD
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
timba81@mail.ru

The study aims to determine specific character of the man's creativity nature. The article reveals correlation between societal development and evolution of the individual's creative act. Scientific novelty of the work lies in making practical evaluation of the notion "creative space" in social philosophy as an existential phenomenon of human development, as well as of the notion "Creator's syndrome" as an integral content feature of Man the Creator (Homo faber). The attained results attest to particular nature of the man's creativity – biological and existential at the same time – which is constantly prompting him to transform the outside world in order to make sense of it resulting in formation of creative space.

Key words and phrases: man; creativity; Creator's syndrome; creative space.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.19>

Дата поступления рукописи: 27.07.2020

Цель исследования – показать специфику коррупционных проявлений и антикоррупционных мер в Древнеримской Республике с учетом этического и социально-политического контекста. Современные исследования, связанные с римскими антикоррупционными мерами, либо традиционно фокусируются на определенных антикоррупционных законах, либо делают акцент на моральной составляющей данной проблемы. Даже те работы, которые можно было бы назвать «целостными» в этом вопросе, основаны на различии между фактическими мерами, которые римляне использовали для борьбы с коррупцией, и этическим дискурсом. С учетом этого, автор для определения и понимания сути антикоррупционных мер, осуществлявшихся в рассматриваемый период, контекстуализирует понимание коррупции и морального разложения в рамках социально-политической мысли Древнеримской Республики, что и определяет **научную новизну** данного исследования. **В результате** было выявлено, что конечной целью антикоррупционных мер в Древнем Риме периода поздней Республики было восстановление потенциально идеализированной формы правления, которая принимала и поддерживала республиканские ценности.

Ключевые слова и фразы: коррупция; антикоррупционные меры; моральный упадок; социально-политический дискурс; Римская республика; Древний Рим.

Везломцев Виктор Евгеньевич, к. филос. н., доц.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, г. Рязань
ve.vezlomtsev@yandex.ru

Коррупция и антикоррупционные меры в контексте социально-политического и этического дискурса в Древнеримской Республике

Актуальность данной темы обусловлена тем, что такое социальное явление, как коррупция, свойственно не только современным обществам. Коррупция известна с глубокой древности. Коррупционные проявления и попытки противодействовать им достоверно фиксируются и во времена Древнего Рима. В связи с этим для современных исследователей значительный интерес представляют общественные процессы той эпохи, которые удивительным образом перекликаются с социально-политическими явлениями нашего времени. Не случайно, разрабатывая различные методы противодействия преступности, современные ученые находят необходимым помимо узкоспециализированных исследований обратиться к ретроспективному межкультурному анализу феномена противостояния общества и коррупционной преступности.

Задачи данной статьи состоят в том, чтобы определить содержание термина *corruptio* и степень его соответствия современному аналогу, выявить тенденции формирования антикоррупционных мер с учетом социально-политических и этических причин и условий коррупции в Древнеримской Республике, определить эффективность законодательных мер борьбы с коррупцией.

Теоретической базой исследования выступают труды зарубежных ученых, посвященные проблеме борьбы с коррупцией в Древнеримской Республике, а также сочинения крупнейших западных романистов, в той или иной степени касающиеся истории формирования антикоррупционной концепции в Древнем Риме.

Методологической основой исследования являются общенаучные принципы диалектики и историзма, системный и структурно-функциональный анализ, сравнительный *метод*.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности использования опыта Древнеримской Республики в формировании современных программ противостояния коррупции.

Согласно древнеримским авторам, Римская республика пала из-за своего морального разложения. Гай Саллюстий Крисп, в частности, указывал, что именно жажда денег (*avaritia*), а затем и власти (*ambitio*) стала главной причиной всех бед [2, с. 34]. По мнению современных авторов, кризис Римской республики имел следующие детерминанты: этическую и политическую, – а коррупция способствовала изменению формы правления и разрушению тех республиканских ценностей, которые существовали: свобода (*libertas*), единодушие (*concordia*), добродетель (*virtus*), достоинство (*dignitas*) и доверие (*fides*). Под коррупцией (*corruptio*) в Древнем Риме понималось нарушение общественных ценностей и норм морали, которое выражалось во взяточничестве (*ambitus*), хищении государственных средств (*peculatus*) и незаконных поборах наместников провинций (*res heretundae*). Для борьбы с данными негативными социальными явлениями в Древнем Риме принимались соответствующие антикоррупционные меры. Все их можно объединить в три основных блока: во-первых, надзор над нравами (*sensura morum*); во-вторых, наличие превентивных и карательных антикоррупционных мер; в-третьих, проведение реформ, касающихся правильного функционирования Сената, судов присяжных и народных собраний. Это считалось обязательными условиями для снижения уровня коррупции, а также для прекращения морального и политического упадка Рима [14, р. 35].

В статье мы акцентируем внимание на I веке до н.э., так как в этот период были сформированы основные антикоррупционные меры. Например, в 50-е гг. до н.э., во время кризиса Республики, экс-консул Цицерон и трибун Клодий приняли ряд законов, направленных на возобновление роли цензоров как магистратов, отвечающих в том числе и за надзор над коррупционным поведением. 50 г. до н.э. был также годом, когда было написано так называемое «второе письмо к Цезарю» – документ в форме открытого письма к Цезарю, в котором Гай Саллюстий Крисп предлагал меры по искоренению широко распространенных пороков: алчности (*avaritia*), продажности (*studium pecuniae*) и ряда других [Ibidem, р. 36]. В целом в этом столетии наблюдались увеличение числа законов о борьбе с взяточничеством и ужесточение наказаний за данный вид преступления.

Чтобы лучше понять суть антикоррупционных мер и природу коррупции как социального явления в Римской республике, необходимо понять специфику значения термина «коррупция» в то время. В самом общем смысле он означал негативное состояние дел, характеризующееся разрушением и последующим упадком. Исходя из этого, данный термин использовался для описания широкого спектра явлений, который варьировался от утраты римских традиций и обычаев до любой формы злоупотреблений властью в личных целях, таких как взяточничество, кража государственной собственности, мошенничество, вымогательство и ненадлежащее управление. Общим для всех этих коррупционных преступлений является их негативное воздействие на общественное благо (*utilitas publica*) или общественные интересы, которые считались наиважнейшими ценностями. Это понятие «общественного блага» (которое впервые можно встретить у Цицерона в его формулировке как “*utilitas publica*”) является основой термина “*res publica*”, который Цицерон предлагает в “*Cicero's De re publica*”. В этой работе утверждается, что “*res publica*” является законной формой Республики тогда и только тогда, когда народ является суверенной властью и вверяет свой суверенитет в умелые руки элиты [4, р. 78]. На выборах, после введения тайного голосования во II веке до н.э., народ осуществлял свое политическое право выбирать того, кому он хотел бы доверить управление “*res publica*”. Так, граждане оказывали магистрату доверие, услугу, которая основывалась на превосходстве тех, кто ее оказывал, над теми, кто ее получал. Данный акт подразумевал моральное обязательство, которое ставило получателя «благоденствия» в положение благодарности к своим «благодетелям». Исходя из этого, частная выгода магистрата никогда не должна была противоречить общественным интересам [14, р. 82]. Но магистрат, будучи избран, имел полное право толковать общественное благо так, как ему вздумается. Именно отсутствие четко определенных полномочий магистрата, которые бы не выходили за разумные рамки действий во имя общественного блага, концептуально легло в основу понятия коррупции и формирования антикоррупционных мер. Признавая, что общественные интересы всегда должны быть приоритетнее частных, римляне разработали целый ряд антикоррупционных мер, которые были направлены на то, чтобы не допустить доминирование личных интересов отдельных магистратов над интересами *populus Romanus* (народа Римского) [18, р. 63].

В V веке до н.э. римляне учредили должности двух цензоров, которые избирались каждые пять лет в течение восемнадцати месяцев и которые в числе своих обязанностей несли ответственность за надзор над нравами [20, р. 73]. Они были наделены широким спектром полномочий, которые можно разделить на три взаимосвязанные категории:

I. Ценз, или перепись граждан и их собственности, включавший *lectio senatus* (пересмотр списка сенаторов) и *recognitio equitum* (смотр всадников).

II. *Regimen Morum* (надзор над нравами).

III. Управление государственными финансами, куда входил надзор над общественными сооружениями и учреждение всех новых общественных работ.

Важнейшей частью цензорских обязанностей был «Надзор над нравами». Именно по этой причине данная должность вызывала такое почтение и страх в Римском государстве. Надзор над нравами естественным

образом вырос из права цензоров исключать из списков граждан недостойных лиц. Но постепенно они приобрели всеобъемлющий надзор над всей общественной и частной жизнью каждого гражданина. Цензоры представляли собой охранителей общественной нравственности; они должны были не просто предотвращать преступления или отдельные аморальные поступки: их главной целью было поддержание староримских традиций и обычаев (*mos maiorum*).

Именно такое понимание функционального назначения должности цензора лежит в основе реформы, предложенной Цицероном в трактате “*De legibus*” («Законы»). Согласно ей, цензоры должны были действовать как стражи закона и контролировать действия магистратов, при необходимости призывая их к соблюдению законов. По мнению Цицерона, «магистраты, завершив свой срок пребывания в должности, должны отвечать за свои принятые решения перед цензорами, которые выносят предварительное решение в отношении них... Предпочтительно, чтобы официальные акты разъяснялись и защищались перед цензорами и чтобы должностные лица оставались ответственными перед законом и преследовались в обычном суде» [8, р. 94].

Но к I веку до н.э. политическая система Республики изменилась, а вместе с ней и подход к борьбе с коррупцией. Эти изменения затронули и законы о борьбе с взяточничеством [5, S. 134].

Так, в 149 г. до н.э. был принят закон “*lex Calpurnia de repetundis*”, который признал коррупционным составом вымогательство, совершенное наместниками провинций, а также учредил специальную судебную инстанцию (*quaestiones perpetuae*), осуществляющую свою деятельность на постоянной основе и рассматривающую дела указанной категории. Это способствовало тому, что коррупционное поведение больше не подвергалось произвольному толкованию цензорами с точки зрения нанесенного вреда общественным ценностям, а скорее оценивалось с точки зрения нарушения норм права.

При несомненной важности *Lex Calpurnia*, нельзя не отметить и ее стратегическую ограниченность: избрав карательно-рекуператорную ориентацию, законодатель запрограммировал антикоррупционную политику государства на борьбу с последствиями коррупции, а не с ее причинами. Все последующие *leges de repetundis* следовали заданному направлению.

Также необходимо отметить, что начиная со II века до н.э. все чаще стали приниматься законы, направленные на борьбу с подкупом избирателей (*ambitus*), так как это преступление подразумевает и другие нарушения закона. Так, для получения необходимой суммы для участия в выборах кандидаты часто обращались к неправомерным способам получения денег, и, как следствие, потратив огромные средства на подкуп избирателей, в дальнейшем рассчитывали компенсировать свои расходы за счет возможностей замещаемой должности и последующего наместничества в провинциях. Тем самым потенциальная коррупционность древнеримских магистратов (*crimen repetundarum*) формировалась еще на этапе их выборов [12, р. 43]. Показательно, что основной детерминантой развития должностной коррупции являлась коррупция электоральная: потенциальная возможность частного влияния на государственную политику, гарантирующая в том числе и дополнительные теневые доходы, обеспечивалась победой на выборах.

В целом начиная со II века до н.э. на законодательном уровне Рим осуществил значительное количество мер по борьбе с взяточничеством: так, закон Суллы 81 г. до н.э. (*Lex Cornelia de ambitu*) запрещал кандидату, уличенному в незаконном домогательстве, повторно добиваться государственной должности в течение десяти лет, а закон М. Туллия Цицерона 63 г. до н.э. (*Lex Tulla de ambitu*) запрещал устраивать гладиаторские бои в течение двух лет, предшествовавших соисканию должности. Нарушитель лишался имущества и изгонялся из Рима на 10 лет. Также были приняты закон Бебия – Корнелия 181 г. до н.э. (*Lex Cornelia – Vaebia de ambitu*), закон Корнелия Фульвия 166 г. до н.э. (*Lex Cornelia Fulvia de ambitu*), закон Кальпурния 67 г. до н.э. (*Lex Calpurnia de ambitu*), закон Амфидия 61 г. до н.э. (*Rogatio Aufidia de ambitu*), закон Лициния 55 г. до н.э. (*Lex Licinia de sodaliciis*) и др. Но самое суровое наказание за избирательный подкуп предусматривал закон Помпея 52 г. до н.э. (*Lex Pompeia de ambitu*). Санкции состояли в лишении римского гражданства, имущества, а 10-летнее изгнание заменялось пожизненным.

Дж. Линдерски отмечает, что в то время законы против *ambitus* показывают изменения в трех основных областях: увеличение размеров штрафов, которые выплачивали виновные; введение наказаний для тех, кто был так или иначе причастен к подкупу избирателей; и криминализация ранее социально приемлемых практик [15, р. 110]. Но есть и те, кто считает, что само количество принятых законов *de ambitu* свидетельствует о том, что они, скорее всего, были малоэффективны. И цель их была вовсе не в том, чтобы сделать выборы более демократическими, а в том, чтобы сдерживать предвыборную конкуренцию и ограничить доступ к важным должностям [17, р. 124].

Законодательство о борьбе с взяточничеством стало наиболее эффективным тогда, когда было введено тайное голосование (II век до н.э.) [6, р. 134]. Это способствовало ослаблению традиционных отношений между клиентами и патронами, а также освободило римских граждан не только от морального и социального обязательства поддерживать своего патрона в предвыборной гонке, но и, что весьма важно, от его давления и запугивания, если они не оказывали необходимого содействия [3, р. 46]. Но в то же время это способствовало появлению новых коррупционных практик. Так, римские граждане получили возможность продавать свои голоса тому, кто предложит за них лучшую цену. Кандидатам оставалось лишь направить имеющиеся у них ресурсы, денежные или иные (например, организация праздников, пиршеств или игр), на свою избирательную кампанию. Такая практика была настолько широко распространена, что очень скоро римляне, включая представителей низших классов населения, стали рассматривать продажу избирательного голоса как абсолютно нормальный способ для улучшения своего материального положения.

После структурирования римской системы правосудия (149 г. до н.э. – 116 г. до н.э.) в Риме был создан первый суд для рассмотрения дел о коррупции на выборах. Это введение, наряду с растущей централизацией административной власти в римском государственном аппарате, привело к росту числа рассматриваемых дел, но не к увеличению количества обвинительных приговоров [19, р. 84]. Конечно, это могло бы навести на мысль о неэффективности существующих антикоррупционных мер, что, скорее всего, нашло бы отражение в принятии новых законов о борьбе с взяточничеством, более широких по охвату и более жестких с точки зрения налагаемых санкций. Однако в начале I века до н.э. произошли два важных события, оказавших серьезное влияние на изменение антикоррупционного законодательства: «Союзническая война», которая подорвала римскую полисную организацию, включила италиков в управление Римским государством, ускорила процессы латинизации Италии и образования италийской народности; реформы древнеримского государственного деятеля и военачальника Луция Корнелия Суллы.

В конце союзнической войны (*Bellum Sociale*) по закону “*lex Plautia Papiria*” в 89 г. до н.э. римское гражданство было предоставлено итальянским общинам, которые ранее восстали против Рима во время этой войны. В результате в переписи населения 86 г. до н.э. было зарегистрировано значительное число новых граждан, однако эта работа была полностью завершена только к 70 г. до н.э. Эти вновь получившие избирательные права граждане, не связанные ранее с кандидатами, но проявляющие определенный интерес к тому, чтобы быть частью римской общественной жизни, могли бы стать новым ресурсом для кандидатов на выборах, готовых прибегнуть к любым средствам, имеющимся в их распоряжении [9, р. 102].

Однако увеличение числа избирателей могло бы способствовать не только росту количества избирательных подкупов, но и появлению новой, потенциально разрушительной силы в и без того шатком равновесии римской общественной жизни. Эти новые богатые граждане питали собственные политические амбиции, и их появление на политической сцене беспокоило римскую элиту, которая в большинстве случаев, владея землями, но не имея денег, могла бы не выдержать финансовой конкуренции на римской политической арене [16, р. 245]. Поэтому увеличение числа законов о борьбе с взяточничеством можно рассматривать как попытку римской элиты ограничить политические возможности «итальянских» граждан, а также удержать власть в руках тех, кто мог бы утверждать, что она принадлежала их родам на протяжении веков [10, р. 74].

Все это сделало избирательную конкуренцию в Риме более жесткой. Так, Луций Корнелий Сулла осуществил комплекс мер (установление обязательного десятилетнего перерыва между переизбранием на одну и ту же магистратскую должность и четкой последовательности (*cursus honorum*) в прохождении магистратур; восстановление возрастного ценза на магистратские должности; расширение системы *quaestiones perpetuae*; ограничение возможностей плебейского трибуната; установление пятимесячного интервала между выборами и вступлением в должность, обеспечивающего возможность возбуждения судебной процедуры по обвинению в подкупе избирателей, и т.д.), которые позволили трансформировать антикоррупционную риторику в антикоррупционную политику, сыграв тем самым определенную роль в расширении масштабов и строгости законов о борьбе с взяточничеством в I веке до н.э. [1, с. 14].

Дебаты о коррупции и реализация антикоррупционного законодательства были включены в моралистический дискурс, который определил истинной причиной взяточничества упадок нравов, а конечной целью принятых законов – возрождение традиционных добродетелей в римском обществе: это то, что лежало на поверхности, давая возможность скрыть циничность общественных и политических реалий того времени. Чтобы лучше понять суть данного дискурса, необходимо обратиться к тому, что можно было бы назвать руководством по поведению для элиты – последнее крупное сочинение Марка Туллия Цицерона «Об обязанностях» (*De officiis*).

Вторая книга данной работы содержит рассуждения Цицерона о том, как гражданам преуспеть в продвижении своей карьеры и какие способы для этого существуют. Он разделил их на положительные и отрицательные. К положительным способам поддержания кандидата он отнес: добрую волю (*benevolentia*), уважение (*honor*), добродетель (*virtus*) и то, что они могут доверять ему при принятии решений (*cui fidem habent et bene rebus suis consulere arbitrantur*). Тремя негативными мотивами, руководствуясь которыми граждане поддерживают кандидата, являются: страх перед его властью, надежда на его благосклонность и обещание с его стороны оплаты или вознаграждения. Последний мотив Цицерон называет «самым подлым и самым низменным из всех, как для тех, кто находится под его влиянием, так и для тех, кто отваживается прибегнуть к нему. Ибо дела идут плохо, когда то, что должно быть получено по заслугам, пытаются получить деньгами» [Цит. по: 11, р. 344].

Считая нравственное совершенствование граждан главным условием для успешности антикоррупционной политики, Цицерон формулирует целый ряд законодательных мер, включая наличие выборных органов власти с четко определенной компетенцией, сменяемость должностных лиц, поддержание атмосферы уважения к органам публичной власти, установление временных и возрастных ограничений на осуществление магистратур, запрещение должностных назначений ради личной выгоды, запрещение магистратам под страхом наказания давать и принимать подарки и подношения. Таким образом, разрабатывая стратегический курс борьбы с коррупцией, Цицерон уделяет особое внимание его превентивной составляющей.

Отношения между гражданами, основанные на запугивании, обещании взятки или откровенной коррупции, Цицерон определяет как противоречащие *benevolentia*, *honor*, *virtus* и *fides*. Данные категории должны являться основными добродетелями магистрата, которому народ доверяет управление своей собственностью и государством. В соответствии с концепцией Республики Цицерон утверждает, что магистрат, по сути, «представляет государство и что его долг – защищать его честь и достоинство, обеспечивать соблюдение закона, конституционных прав и помнить, что все это было вверено ему как священное доверие (*ea fidei suae commissa*)» [Цит. по: 13, р. 102].

Особое внимание Цицерон уделяет важнейшей мировоззренческой категории того времени – *fides* (верность клятве). Благодаря юридическо-религиозному характеру древнеримской *fides* предвыборная программа превращалась в сакральную клятву, нарушить которую считалось страшным преступлением. Соблюдение своей *fides* в процессе осуществления вверенных ему народом полномочий становилось поистине святым долгом магистрата. Подобный сакрально-правовой механизм долгое время выступал надежным гарантом высокой гражданской нравственности древних римлян.

По мнению Цицерона, *fides* вкуче с *iustitia* является главным качеством, на основе которого люди готовы доверить управление *Res publica* отдельным лицам, которые, по их мнению, будут действовать в соответствии с общим благом: «...и поэтому мы считаем, что совершенно безопасно доверить нашу жизнь, наше состояние и наших детей их заботе» [7, р. 228].

Таким образом, в рамках позднереспубликанского этического и политического дискурса, примером которого является *de officiis* Цицерона, практика подкупа понимается как нарушение магистратом оказанного ему римскими гражданами *fides*. Отсюда следует, что с точки зрения общественных ценностей цель поздне-республиканских законов о борьбе с взяточничеством воспринималась гражданами как восстановление этих ценностей, на основе которых был установлен неписанный договор между магистратом и гражданами.

Но оставаясь в конце республиканского периода все еще правовым принципом, на практике *fides* (добрая совесть) уступала место *corrupta fides* (опороченная совесть), граничащей с понятиями “*dolus*” или “*dolus malus*” (обман, хитрость, коварство, умысел на совершение противоправного деяния). С политизацией сакрально-правового института *fides* и приданием ему утилитаристской направленности из Римской республики ушла важнейшая составляющая, оставив народ и магистратов свободными от этических ограничений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать **вывод**, что правильное понимание антикоррупционных мер в Древнеримской Республике возможно только в контексте этического и социально-политического дискурса. Упомянутые выше законы демонстрируют, что понимание коррупции как злоупотребления властными полномочиями с целью получения частной выгоды, которое появилось, как многие считают, в XVIII веке, было близко по смыслу коррупции в Древнем Риме, что может свидетельствовать о прогрессивном понимании данного социального явления. Несмотря на то, что римляне проводили различие между публичной и частной сферами, оно не было основано на принципе защиты прав личности. Поэтому антикоррупционные меры были направлены на восстановление *fides*, которое лежало в основе Республики и в силу которого все римские граждане доверяли управление (*Res publica*) избранным магистратам, которые затем должны были действовать в интересах народа и от его имени.

Римлянам, конечно, не хватало юридической классификации обвинений в коррупции: то, что в одних случаях считалось даром, при других обстоятельствах могло расцениваться как откровенный акт коррупции. Определение девиантности в конечном счете зависело от социальных обстоятельств и истолковывалось риторикой. Это было связано с отсутствием четкого закрепления полномочий, предоставляемых народом магистратам во время их избрания: как уже отмечалось, неписаное ожидание состояло в том, что магистраты будут вести себя в интересах общего блага и его владельцев, другими словами – в интересах *res publica* и ее народа. Однако условия и критерии осуществления этого поведения были размыты и интерпретировались магистратами по их желанию.

На первый взгляд может показаться, что моралистический и социально-политический дискурсы не так важны для понимания антикоррупционных мер в Древнеримской республике, но на самом деле как раз они при более глубоком изучении обеспечивают важную основу для понимания этих мер.

Только поместив антикоррупционные меры в контекст этического и социально-политического дискурсов своего времени, полностью оценив их связь с современной политической мыслью, у нас появляется возможность понять, что конечной целью этих мер было восстановление потенциально идеализированной формы правления, которая принимала и поддерживала республиканские ценности *libertas*, *concordia*, *virtus* и *fides*. Эти понятия являются не просто терминами, принятыми для обозначения предпочтительного вектора приложения реформаторских усилий, а скорее критериями для выбора необходимых реформ. Только те антикоррупционные меры, которые можно было бы охарактеризовать как отстаивание этих ценностей, могли появиться на общественно-политической арене и быть применены на практике и, возможно, даже достичь некоторой степени эффективности. Игнорируя этический и социально-политический дискурсы, в которые они встроены, мы упускаем из виду одну из важнейших причин их предложения и принятия.

Список источников

1. Александровская С. В. Антикоррупционная концепция в праве Древнеримской Республики (V-I вв. до н.э.): автореф. дисс. ... к. юрид. н. Краснодар, 2004. 29 с.
2. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер. В. Горенштейна. М.: Наука, 1981. 222 с.
3. Arena V. *Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 319 p.
4. Arena V. *Popular sovereignty in the late Roman Republic: Cicero and the will of the people // Popular Sovereignty in Historical Perspective / ed. by R. Bourke, Q. Skinner*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 73-96.
5. Bleicken J. *Lex publica: Gesetz und Recht in der römischen Republik*. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 1975. 527 S.
6. Cicero. *Brutus. Orator / transl. by G. L. Hendrickson, H. M. Hubbell*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1939. 544 p.
7. Cicero. *On Duties / transl. by Walter Miller*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1913. 544 p.
8. Cicero. *On the Republic. On the Laws / transl. by Clinton W. Keyes*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1928. 448 p.
9. Dart C. J. *The Social War, 91 to 88 BCE: A History of the Italian Insurgency against the Roman Republic*. L. – N. Y.: Routledge, 2014. 264 p.
10. Daube D. *Roman Law. Linguistic, Social and Philosophical Aspects*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1969. 205 p.

11. Dyck A. R. A Commentary on Cicero, De officiis. Ann Arbor, MI: The University of Michigan, 1996. 760 p.
12. Fascione L. Crimen e quaestio ambitus nell'eta repubblicana. Milan: A. Giuffre, 1984. 131 p.
13. Freyburger G. Fides: etude semantique et religieuse depuis les origines jusqu' a l'epoque augusteenne. P.: Les Belles Lettres, 1986. 361 p.
14. Kroeze R., Vitoria A., Geltner G. Anticorruption in history. From Antiquity to the Modern Era. N. Y.: Oxford University Press, 2018. 459 p.
15. Linderski J. Buying the Vote: Electoral Corruption in the Late Republic // Roman Questions. Selected Papers. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1995. P. 107-114.
16. Marzano A. Roman Villas in Central Italy: A Social and Economic History. Leiden: Brill, 2007. 832 p.
17. Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 367 p.
18. Paul. Sententiae // Iurisprudentiae Anteiustinianae reliquas / ed. by E. Seckel, B. Kubler after Ph. E. Huschke. Leipzig: Teubner, 1911. P. 63-64.
19. Riggsby A. M. Crime and Community in Ciceronian Rome. Austin, TX: University of Texas Press, 1999. 249 p.
20. Suolahti J. The Roman Censors: A Study on Social Structure. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1963. 837 p.

Corruption and Anticorruption Measures in the Context of Socio-Political and Ethical Discourse of the Ancient Roman Republic

Vezlomtsev Viktor Evgenievich, PhD

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan
ve.vezlomtsev@yandex.ru

The paper aims to reveal specificity of corruption manifestations and anti-corruption measures in the ancient Roman Republic taking into account ethical and socio-political context. In contemporary studies on Rome's anticorruption measures, researchers' attention is focused either on certain anticorruption laws or on the ethical aspect of the problem. Even the most fundamental works tend to differentiate actual measures the Romans used to fight corruption and ethical discourse. Considering the above mentioned, the author, having in mind to reveal the essence of anti-corruption measures implemented in that period, contextualizes understanding of corruption and moral decay in the context of the ancient Roman socio-political thought, which constitutes scientific originality of the study. The conducted research allows concluding that anti-corruption measures of the late Roman Republic were aimed at restoring the idealized form of government that accepted and supported the republican values.

Key words and phrases: corruption; anti-corruption measures; moral decay; socio-political discourse; The Roman Republic; ancient Rome.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.20>

Дата поступления рукописи: 31.07.2020

Цель исследования – определить особенности этнического предпринимательства представителей китайского сообщества в России. В статье проанализированы последние данные официальной статистики о квалификационной структуре трудовых мигрантов из Китая, рассмотрены сферы их предпринимательской активности в условиях современных миграционных процессов. Показано, что специфика предпринимательской деятельности в России выходцев из Поднебесной характеризуется ее концентрацией в малом бизнесе, носящем преимущественно этнический характер. **Научная новизна** заключается в анализе этнического предпринимательства как формы экономической активности локальных общностей в инкультурном пространстве на примере китайских трудовых мигрантов. **В результате** показано, что этническое предпринимательство является эффективным механизмом в процессах экономической адаптации мигрантов в принимающем социуме.

Ключевые слова и фразы: этническая идентичность; этническое предпринимательство; миграционные процессы; диаспора; адаптации мигрантов.

Игошева Марина Анатольевна, к. филос. н., доц.
Ростовский государственный университет путей сообщения
igosheva_marina@mail.ru

Этническое предпринимательство в условиях современных миграционных процессов: опыт китайской диаспоры в России

Актуальность темы исследования обусловлена влиянием современных глобализационных процессов на формирование мировой экономической системы, создавшей беспрецедентный уровень взаимозависимости экономик национальных государств и общие правила их функционирования. Наряду со сформировавшимся единым экономическим пространством, сохраняются самобытные формы организации хозяйства, свойственные